

С.А. Нефедов

**Теория культурных кругов и проблема
влияния монгольского завоевания на формирование
российской цивилизации¹**

**The theory of cultural circles and problem of influence
of the mongolian gain on formation of the Russian civilization**

Предлагаемая статья раскрывает неиспользованные до сих пор возможности применения методологии диффузионизма к решению одной из давних проблем исторической науки. Становление российской евразийской цивилизации рассматривается автором с точки зрения процесса возникновения и расширения монгольского культурного круга.

◆
Offered article opens not used till now possibilities of application of diffusionism methodology to the decision of one of old problems of a historical science. Formation of the Russian Euroasian civilisation is considered by the author from the point of view of process of occurrence and expansion of the Mongolian cultural circle.

Принято считать, что последняя четверть XX века была временем кризиса исторической науки, кризиса, который был вызван новой волной критицизма по отношению к существующим методологическим подходам. Результатом этой критики, по словам Ж. Ревеля, явилось состояние "эпистемологической анархии", господство "микроистории" и нарратива.² Однако в последнее десятилетие наблюдается возрождение интереса к исторической теории; в значительной степени это связано с деятельностью американской школы исторической социологии и с работами таких известных историков, как Ш. Эйзенштадт, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун, П. Турчин. Изучение новых методологических подходов ведется и в России; в этой связи можно, в частности, назвать работы И.М. Дьяконова, Л.С. Васильева, Н.С. Розова.

В контексте методологических поисков нужно рассматривать и новое обращение к теории диффузии, как к объяснительному инструменту российской истории, предпринятое в статье В.В.

¹ Автор признателен Н.П. Рябченко за полезное обсуждение статьи.

² Ревель Ж. История и социальные науки во Франции // Новая и новейшая история. 1998.- № 6.- С. 82.

Алексеева, С.А. Нефедова и И.В. Побережникова.¹ Авторы статьи пытаются интерпретировать основные события средневековой истории России на основе теории культурных кругов – историко-этнологическая концепция, весьма популярной в 20-х и 30-х годах нашего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра.² Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, *фундаментальных* открытий. *Фундаментальные открытия* – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии это открытия, расширяющие экологическую нишу этноса и способствующие увеличению его численности. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях. Например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Освоение земледелия, к примеру, привело к тому, что племена земледельцев, распахав все свои земли, стали переселяться на территории охотничьих племен, и поскольку они обладали превосходством в численности, то соседи не могли им препятствовать. Охотников отесняли в леса и в горы; часть из них присоединялась к земледельцам, перенимала их культуру и, в свою очередь, передавала им некоторые традиции аборигенов. Таким образом, происходил *культурный и социальный синтез*, результатом которого было появление новых племен и новых народов, но эти новые народы сохраняли культурный комплекс, связанный с использованием земледелия и сохраняли его в той конкретной форме, которую придал ему народ-первооткрыватель. Волна расселения, между тем, продолжала двигаться дальше, постепенно образуя культурный круг – область распространения данного культурного комплекса.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее

¹ Алексеев В.В., Нефедов С.А. Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. – № 5-6. – С. 152-184.

² Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg. 1911.

данный культурный круг, будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации о фундаментальном открытии не оставляет времени для его независимого повторения.

Ф. Гребнер выделил несколько культурных кругов на территории Австралии и Океании. В качестве примера часто приводится культурный комплекс "восточно-папуасского" круга: земледелие с возделыванием клубневых растений, рыболовство при помощи сетей, дощатая лодка, огневая пила, тяжелая палица с утолщением на конце, хижина с двухскатной крышей, спиральное плетение корзин, широкий щит, деревянный или плетеный, два экзогамных класса с женским счетом, тайные мужские союзы и пляски в масках, культ духов умерших и черепов, лунная мифология, людоедский миф, пластические изображения духов, круговой орнамент, сигнальный барабан, флейта Пана, однострунный музыкальный инструмент, звучащие дощечки и некоторые другие культурные элементы.¹ Легко видеть, что в основе этого культурного круга лежат три первых элемента, которые являются фундаментальными открытиями, остальные элементы играют "сопровождающую" роль, но они важны, поскольку их распространение несет с собой существенные перемены в культуре и социальных отношениях. Кроме того, эти элементы играют роль своеобразных маркеров, помогающих более четко обозначить границы культурного круга и прояснить направление его распространения.

Созданная почти столетие назад, теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, она до сих пор эффективно применяется в археологии и этнографии.² Что же касается применения теории культурных кругов в исторической науке, то она использовалась довольно редко, главным образом в тех случаях, когда в условиях недостаточности письменного материала историки использовали археологические и этнографические данные.³ В случае наличия достаточного количества письменных источников обращение к этому методу обычно становится излишним: пути и обстоятельства распространения новых культурных элементов выясняются путем непосредственного обращения к документам. Существенным препятствием на пути распространения теории культурных кругов были стимулируемые политиками националистические и этноконфессиональные предубеждения. Тем не менее, в наше время важная роль диффузии инноваций не вызывает сомнения у большинства историков; например, в изучении истории нового времени теория

¹ Grabner Fr. Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien. // "Zeitschrift für Ethnologic". 1905. – В. 37. – Н. 1.

² См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. – М. 1976. – С. 3-36.

³ См. например: Heichelheim Fr. Wirtschaftsgeschichte des Altertums. Bd. I-II. Leiden. 1938.

диффузии является важной составной частью теории модернизации.¹

Смысл нового обращения к теории культурных кругов заключается в перенимании историками заключенной в этой теории общей идеи: фундаментальное открытие делается однажды и в одном месте, оно порождает миграционную и диффузионную волну, которая, распространяясь, создает новый культурный или цивилизационный круг – попросту говоря, новую цивилизацию. Чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, а миграционная волна принимает вид волны завоеваний. Классическим примером такой волны являются завоевания Александра Македонского, приведшие к образованию того культурного круга, который называют эллинистической цивилизацией. Можно перечислить многие элементы определявшего эту цивилизацию культурного комплекса. В этот комплекс входят стандартные образцы греческой архитектуры, такие как храмы, палестры и гимнасии, греческая керамика, монеты с греческими надписями, греческая одежда, характерные черты социальной организации полисов и клерухий и т. д. Однако главный элемент этого культурного круга, фундаментальное открытие, обусловившее его быстрое расширение, – это македонская фаланга. Именно фаланга одерживала победы, прославившие Александра.² Именно создание фаланги выдвинуло на арену истории до того мало кому известный горный народ, македонян. Овладев культурными областями Греции, македоняне затем распространили греческую культуру по всему Ближнему Востоку, но по отношению к фундаментальному открытию греческие культурные элементы имели в основном сопровождающий характер.

Главным признанием могущества фаланги было перенимание этого открытия противниками македонян, в частности, Спартой.³ Фундаментальное открытие – в данном случае новое оружие – дает в руки своих обладателей решающее преимущество и, чтобы устоять перед их натиском, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать это оружие. *Именно это обстоятельство – перенимание оружия противника – является свидетельством фундаментального характера данной военной инновации.* Вместе с тем это перенимание является главной составляющей механизма диффузии: вслед за перениманием нового оружия перенимается тактика его использования и военная организация, которая часто является частью социальной организации (например, система клерухий или поместная система). В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д. – но формально это перенимание уже не является необходимым, и глубина этих заимствований свидетельствует о силе того давления, которое оказывает на соседей народ-первооткрыватель. Перед волной завоеваний дви-

¹ Подробнее см.: Алексеев В. В. Нефедов С. А. Побережников И. В. Указ. соч.

² Conolly P. Greece and Rome at War. L. 1981. p. 73.

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. III. – М., 1964. – С. 93.

жется волна диффузии; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д. В приложении к истории России часто говорят о том, что сначала наша страна принадлежала к византийскому культурному кругу, затем, после монгольского нашествия, русская культура подверглась сильному восточному влиянию, а после реформ Петра I стала частью европейского культурного круга.¹ Однако если интерпретация реформ Петра как приобщения к европейской цивилизации не вызывает возражений у большинства историков, то роль монгольского нашествия является предметом давней дискуссии. "Создается впечатление, что русские стыдились того времени, когда они были покорены "азиатами", – отмечал американский историк П. Силфен. – До некоторой степени русские исследователи были способны превратить недостаточность и неопределенность имеющихся свидетельств в свое преимущество. Не имея точных руководящих принципов, историки имели возможность объяснять факты своим собственным способом и развивать теории в соответствии с историческими и политическими концепциями, преобладавшими в их время. Таким образом, Соловьев и Рожков могли утверждать, что монголы не оказали никакого существенного влияния на российскую жизнь, в то время как Сергеевич мог доказывать, что этические стандарты завоевателей нанесли русским глубокий и непоправимый ущерб. Свидетельств было настолько мало, и они так зависели от персонального восприятия, что никто не мог доказать другому его неправоты".²

Такое положение характерно и для современной российской историографии. "Вопрос о воздействии монгольского нашествия на развитие русского общества – один из самых сложных в истории Руси, – отмечают А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузов. – Крайний недостаток источников затрудняет ответ на него, поэтому вполне возможным становится появление таких работ, в которых

¹ См. например: Guins G. G. Russia's place in world history// The Russian Review. 1963. Vol. 27. N 4. p. 355-368; Mirsky P.P. Russia. A Short cultural history. London. 1952. p. 183-186; Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation. Vol. I. N.-Y. 1953.

² Silfen P. H. The Influence of the Mongols on Russia : A Dimensional History. N. Y. 1974. p. 91.

отрицается какое-либо воздействие нашествия на развитие Руси".¹

Любопытно, что подобная ситуация сложилась в последнее время и в среде исследующих эти проблемы западных историков. На сегодняшний день наиболее полное исследование проблемы распространения административных институтов Монгольской империи на Руси принадлежит Дональду Островскому, однако концепция Островского встречает возражения со стороны гиперкритически настроенных исследователей.²

П. Силфен ясно формулирует причины создавшегося положения: ограниченность свидетельств, а также отсутствие четких методологических принципов. Представляется, что теория культурных кругов, предназначенная для использования в ситуации недостаточности свидетельств, может до некоторой степени восполнить этот методологический пробел.

Переходя к конкретному рассмотрению монгольского культурного круга, необходимо, прежде всего, установить причины его возникновения и расширения, указать на то фундаментальное открытие, которое играло в этом определяющую роль. Нет сомнения, что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Приведем один пример. В сентябре 1211 года монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной империи Цзинь. Это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-латников. "В авангарде выставляют копьеносцев, которых называют "ин", "стойкими", – писал о цзиньцах сунский историк Сюй Мэн-синь. – Солдаты и их лошади одеты в латы". За копьеносцами, которые составляли около половины армии, следовали лучники, одетые в легкие панцири. Копьеносцы таранили строй противника, а лучники производили залп, ворвавшись в него на глубину ста шагов. Численность цзиньской армии составляла около 500 тысяч солдат – это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи.³

Монголов было не более 100 тысяч – тем не менее, цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена. "Пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья", – говорит "Сокровенное сказание". Убитых было столько, что "степи

¹ Хорошкевич А. Л. Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Фенелла//Фенелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. -М. 1989. – С. 22.

² Ostrowski D. Muskovy and the Mongols. Cambridge (Mass.). 1998; Idem. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. №. 2.

³ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М 1975. – С. 126. 196. 198; Кычынов Е. И. Чжурчжени в XI веке// Сибирский археологический сборник. – Новосибирск. – С. 277-278; Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). – М. 1975. – С. 72.

стали издавать зловоние".¹

Военное превосходство монголов было колоссальным – но чем оно объяснялось? Историки по-разному объясняют причины монгольских побед; одни говорят о талантах монгольских полководцев, другие – о четкой военной организации, о маневренной тактике. Однако известно, что монголы заимствовали свою тактику и организацию у Цзинь и побежденной ею империи Ляо², что в сотнях битв на протяжении XIII века монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы – тем не менее, они почти всегда побеждали. Так в чем же заключалась причина этих побед? Ответ на этот вопрос был одной из задач посольства, направленного римским папой ко двору монгольского хана. Возглавлявший это посольство ученый монах Плато Карпини оставил подробное описание оружия и тактики монголов.

"Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое, – писал Плато Карпини, – два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые... Некоторые имеют латы... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча... Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и они это делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду..." Плато Карпини акцентирует внимание на стрелковом вооружении и стрелковой тактике монголов: "...Надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят или убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой". В заключение посол дает рекомендации о том, как противостоять татарам: нужно иметь хорошие луки и закаливать стрелы, как это делают монголы, а чтобы уберечься от монгольских стрел, нужно иметь двойные латы.³

С выводами Плато Карпини перекликается свидетельство армянского царевича Гайтона. "С ними очень опасно начинать бой, – рассказывал Гайтон в 1307 году, – так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают все виды защитных средств и панцирей... В сражениях в случае неудачи отступают они в организованном порядке, преследовать их, однако,

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. Т. I. – М.-Л. 1941. – С. 179.

² Ларичев В.Е. Тюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из "Ляоши") // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск. 1975. – С. 112; Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. – М. 1973. – С. 81.

³ Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. – М. 1957. – С. 50-53, 62.

очень опасно, так как они поворачиваются назад и умело стреляют во время бегства и ранят бойцов и лошадей. Как только видят они, что противник при преследовании рассеян и его ряды пришли в беспорядок, поворачивают они опять против него и таким образом достигают победы".¹

"В битвах с врагом берут они верх вот как, – свидетельствует Марко Поло, – убежать от врагов не стыдятся; убегая, поворачиваются и стреляют из лука. Коней своих приучили, как собак, вращаться во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражеских коней и людей, а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает, оттого что и кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то они побеждали во многих битвах и покоряли многие народы".²

В "Великой Хронике" Матфея Парижского многократно повторяются свидетельства разных авторов о том, что монголы "несравненные лучники", "удивительные лучники", "отличные лучники". Один из венгерских епископов подчеркивает, что монголы более искусные лучники, чем венгры и половцы, и что "луки у них более мощные".³ Фома Сплитский, описывая осаду Пешта, свидетельствует, что "смертоносные татарские стрелы разили наверняка. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит...".⁴ "Говорят, что стреляют они дальше, чем другие народы, – писал венгерский монах Юлиан. – При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а ливнем льются. Мечами и копьями, они, по слухам, бьются менее искусно".⁵

Таким образом, свидетельства источников сходятся на том, что монголы уклонялись от ближнего боя, что они были сильны главным образом в стрелковом бою. Монголы были прекрасными лучниками, они выпускали тучи стрел, которые летели дальше, чем у других народов, и ударяли с такой силой, что убивали лошадей и пробивали доспехи всадников. Монголы обладали необычно мощными луками, которые к тому же позволяли поддерживать высокий темп стрельбы – такой вывод следует из свидетельств современников.

Обратимся теперь к свидетельствам археологии. Вторая половина XX века ознаменовалась рядом выдающихся открытий российских археологов; благодаря исследованиям А.П. Окладни-

¹ Цит. по: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. – Л. 1971. – С. 78.

² Марко Поло. Путешествие. – Л. 1940. – С. 65.

³ Матфей Парижский. Великая Хроника // Русский разлив. Арабески истории. Мир Льва Гумилева. – М., 1997. – С. 268, 270, 277, 283, 287.

⁴ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. – М., 1997. – С. 111.

⁵ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. т. III. – С. 87.

кова, Г.В. Киселева, В.Е. Медведева, Н.Я. Мерперта, Д.Г. Савинова, Л.Р. Кызласова, Е.М. Хамзиной, Ю.С. Худякова и ряда других специалистов была воссоздана картина развития средневековых культур кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока. Одним из результатов этих исследований было получение данных о появлении в период, непосредственно предшествующий началу монгольских завоеваний, нового типа лука. В основе луков, распространенных в Великой Степи ранее, в I тыс. до н. э., лежал лук, некогда созданный племенами хунну. Это был лук с боковыми костяными накладками, которые фиксировали жесткие зоны деревянной основы лука (кибиты). Поскольку эти зоны не участвовали в создании рефлекторного усилия, то лук хуннского типа имел большие размеры – порядка 160 см. В I-V веках однотипные гуннские луки господствовали на широких просторах степей от Амура до Дуная, но затем на основе этой конструкции появилось множество новых вариантов. В степи начался процесс поиска новых технических решений, и к началу II тысячелетия многие народы имели несколько разных типов лука – так что луки разных типов иногда можно было встретить в одном захоронении. Среди этого многообразия встречались и отдельные прототипы позднейшего монгольского лука, однако, как доказывает Д.Г. Савинов, "лука универсального типа, обычно называемого монгольским, в то время еще не было". Отбор новых конструкций продолжался вплоть до XII века, когда вместе с монголами на арену истории вышел монгольский лук. Этот лук отличался от хуннского лука тем, что имел не боковые, а одну фронтальную костяную накладку, игравшую принципиально иную роль: она не лишала участок кибиты упругости, а наоборот, увеличивала упругость, добавляя к рефлекторному усилию деревянной основы усилие расположенной по центру лука костяной пластины. Костяная пластина имеет максимальный предел прочности примерно вдвое больше, чем древесина (около 13 кг/мм²), и, соответственно, распрямляясь, создает вдвое большее усилие. Луки такого типа называют "рефлексирующими". При небольших размерах (около 120 см) монгольский лук обладал большой мощностью, эту мощь можно было при желании увеличить, добавляя костяные накладки на плечи лука. Кроме того, по сравнению с другими луками, монгольский лук был более гибким и тетива оттягивалась на большее расстояние, поэтому она оказывала на стрелу более длительное воздействие и сообщала ей больший импульс.¹

¹ Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск. 1981. – С. 155, 161; Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск. 1993. – С. 121, 140, 142; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв// Советская археология. – 1987. – № 2. – С. 214-215; Макьюэн Э., Миллер., Бергман А. Конструкция и изготовление древних луков// В мире науки. Scientific American. 1991. № 8. – С. 46; Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. N. Y. 1974. p. 55-57.

По данным китайских источников, сила натяжения монгольского лука составляла не менее 10 доу (66 кг), что, по крайней мере, в полтора раза превышало мощность цзиньских луков (7 доу или 46 кг). Х. Мартин определяет силу монгольских луков в 166 фунтов (75 кг) и отмечает, что они не уступали знаменитым английским лукам, погубившим французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье. Ю. Чамберс оценивает силу монгольских луков в 46-73 кг, а английских – в 34 кг. После английских луков самыми мощными луками в Европе были венгерские – их натяжение оценивается в 32 кг. Напомним, что эти луки противостояли монгольским в битве при Шайо, которая закончилась страшным разгромом венгров.¹

Небольшие размеры монгольского лука делали его удобным для конного лучника; это позволяло точнее прицеливаться и вести стрельбу в высоком темпе – до 10-12 выстрелов в минуту. Ю. С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия – появления автоматического оружия в XX веке. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед "ливнем стрел".²

Новому луку соответствовал новый господствующий тип стрел. В монгольское время получили преобладание стрелы с плоскими наконечниками в форме лопатки или трилистника – так называемые "срезни". Плоские наконечники летели с большей скоростью, чем трехлопастные, и в колчан входило большее количество плоских стрел, нежели трехлопастных. Большинство плоских стрел имело ширину пера до 25 мм и вес до 15 граммов, они не очень отличались по весу от наконечников, применявшихся прежде. Однако наряду с обычными "срезнями" довольно часто встречались огромные наконечники длиной до 15 см, шириной пера в 5 см и весом до 40 граммов. При обычном соотношении веса наконечника и стрелы (1:5, 1:7), стрела с таким наконечником должна была весить 200-280 граммов. Тяжелые стрелы были еще одним свидетельством мощи монгольского лука; они обладали огромной убойной силой и предназначались для поражения ло-

¹ Мэн-да бэй лу... – С. 7; Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI в... – С. 277; Шавкунов В. Э. К вопросу о луке чжурчженей // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск. 1987. – С. 200; Martin H. D. The Rise of Chigis Khan and His Conquest of North China. Baltimore. 1950. p. 195; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII-XIV вв// Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. М. 1968. – С. 34; Chambers J. Op. cit. P. 57; Szabó C. A Brief Historical Overview of Hungarian Archery – [http:// www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm](http://www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm).

² Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 124; Chambers J. Op. cit. P. 57.

шадей.¹

Согласно Ю. Чамберсу, дальность стрельбы из монгольского лука достигала 320 метров, а дальность английского лука – 230 метров. В Эрмитаже хранится каменная стела, найденная в 1818 г. близ Нерчинска; надпись на этой стеле говорит, что когда в 1226 году Чингисхан устроил праздник по поводу одной из своих побед, победитель в соревновании стрелков Есугей Мерген пустил стрелу на 335 алда (538 м). Однако на таком расстоянии было практически невозможно попасть в цель, прицельная дальность стрельбы из лука монгольского типа была гораздо меньше; она составляла около 150 метров. Стрела татарского лука XVI века на расстоянии 200 метров убивала лошадь или пробивала кольчугу навывлет.² По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их – однако научиться стрелять из лука было намного сложнее, чем научиться стрелять из аркебузы. Современные спортивные луки имеют силу натяжения "всего лишь" 23 кг, но стрельба из них требует хорошей физической подготовки, и даже спортсмену непросто выпустить за день соревнований около сотни стрел. Луки монгольского типа требовали необычайно сильных рук: император Фридрих II особо отмечал, что у монголов "руки сильнее, чем у других людей", потому что они постоянно пользуются луком. Кроме того, требовалась особая сноровка: монгольские лучники использовали для захвата тетивы специальное кольцо с крючком, которое играло роль спускового механизма. Плано Карпини свидетельствует, что монголы с трехлетнего возраста учили своих детей стрелять из лука, постепенно увеличивая его размеры. Таким образом, они наращивали мускулатуру рук и отработывали механизм стрельбы на уровне условных рефлексов. В принципе, обучение стрельбе из лука с раннего детства было характерно для кочевых народов со времен гуннов – но дело в том, что более мощный лук требовал от стрелка особых физических и психологических качеств. Должно было пройти немало времени, прежде чем монголы освоили новое оружие. Воинам других народов было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно научиться хорошо стрелять из монгольского лука – даже если бы он достался им в качестве трофея. Писавший в XV веке арабский автор наставления по стрельбе из лука отмечал, что в его время (спустя столетие после падения монгольского владычества в Персии) многие секреты стрельбы были уже

¹ Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе// Советская археология. 1966. № 2. – С. 55; Киселев Г. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города.- М. 1965. – С. 192-93; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... – С. 52, 73, 75; Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск. 1991. – С. 122-123.

² Chambers J. OP. cit., p. 55-57; Lhagvasuren G. The stele of Chinggis Khan// http://www.atarn.org/mongolian/mongol_1.htm; Измайлов И. В блеске мисюрок и бехтерцов. – Родина. 1997. № 3-4. – С. 106.

утеряны.¹

Еще сложнее было наладить производство луков монгольского типа. Изготовление сложносоставных луков требовало большого мастерства. Слои дерева, костяные накладки и сухожилия склеивали под сильным прессом, после чего лук подвергался просушке иногда в течение нескольких лет. Окончание изготовления лука сопровождалось специальными церемониями. Мастера по изготовлению луков пользовались большим уважением, и даже великий хан оказывал им почести. Высоко цена (и даже почитая) свои луки, монголы, естественно, стремились уберечь их от непогоды; для этого использовалось налучье, которое вместе с колчаном называлось "сагайдак".²

Монгольский лук перенимался другими народами в составе комплекса культурных элементов, определявших культурный круг. Остановимся, прежде всего, на тех элементах, которые были связаны с вооружением. Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Как отмечалось выше, это была тактика уклонения от ближнего боя, обстрел противника из луков, который мог продолжаться несколько дней. Монгольская легкая кавалерия мчалась вдоль фронта противника, поливая его дождем стрел; если же противник переходил в атаку, то она обращалась в мнимое бегство, но во время этого "бегства" лучники, обернувшись назад, расстреливали своих преследователей и их лошадей. Мощный лук и массивные стрелы позволяли убивать лошадей – и, действительно, цитированные выше источники свидетельствуют, что поражение лошадей было едва ли не главным элементом этой тактики. Если же противник упорно держался на своей укрепленной позиции, то в атаку шел полк "мэнгэдэй" – это название означает "принадлежащие богу", то есть "смертники". Задача "мэнгэдэй" состояла в том, чтобы (возможно, ценой больших потерь) завязать ближний бой, а затем симулировать бегство и все-таки вынудить противника преследовать лучников. Когда в ходе длительного преследования противник оказывался ослаблен потерями и расстраивал свои ряды, он подвергался внезапному фланговому удару "засадного полка". Как свидетельствует "Сокровенное сказание", именно таким образом была одержана решающая победа в битве при Хуйхэпху. Нужно отметить, однако, что сама по себе тактика "мэнгэдэй" была не новой, ее использовали гунны, скифы и многие другие степные народы – классическим примером применения этой тактики является победа тюрок над византийцами при Манцикерте (1071 г.). Преимущество мон-

¹ Пастухов Н. П., Плотников С. Е. Рассказы о стрелковом оружии. – М. 1983. – С. 7-8; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... – С. 14, 31, 32; Путешествие в восточные страны... – С. 36; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М. 1950. - С. 39; Матфей Парижский. Великая Хроника...

² Ермолов Л. Б. Сложносоставной монгольский лук // Сборник музея антропологии и этнографии. 1987. вып. XLI. – С. 153, 154; Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. - СПб. 1994. – С. 22.

голов заключалось лишь в том, что новые луки позволили им применять эту старую тактику с большим успехом.¹

Полное преобладание у монголов стрелковой тактики еще более оттеняется тем обстоятельством, что, по свидетельству источников, лишь очень немногие из монгольских воинов имели железные доспехи. Приводя ряд свидетельств такого рода, А. Н. Кирпичников отмечает, что монголы испытывали "хронический недостаток" защитных доспехов, которые обычно добывались в качестве трофеев или изготовлялись пленными мастерами.² Археологические данные подтверждают этот вывод: при раскопках было обнаружено очень малое число бронебойных стрел, и это дает специалистам основание утверждать, что монгольское войско составляли, в подавляющем большинстве, легковооруженные лучники. Это особенно контрастирует с тяжелым вооружением главных противников монголов – воинов Цзинь (чжурчженей) и прежних, домонгольских, властителей степей, киданей.³ Повидимому, в данном случае имел место сознательный отказ части воинов от тяжелого вооружения, который объясняется тем, что тогдашние доспехи все равно не могли защитить от стрел, выпущенных из монгольского лука. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи. Тяжелое вооружение стесняло движения лучников и уменьшало скорострельность стрельбы; оно не требовалось воинам, не участвовавшим в контактном бою. Кроме того, для удобства стрельбы монгольские лучники использовали короткие стремена: привстав в стременах, лучник мог отчасти стабилизировать качку и точнее целиться. Однако короткие стремена делали всадника неустойчивым в седле и затрудняли ведение ближнего боя. Монголы вступали в ближний бой лишь тогда, когда противники были изранены стрелами и исход сражения был практически решен; эту последнюю атаку проводили сравнительно немногочисленные отряды тяжелой конницы.⁴

Характерно также и то, что действия монгольской тяжелой конницы не обратили на себя внимания современников и источники не сохранили их описания. До сих пор отсутствуют находки монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и других специфических приспособлений для таранных ударов.⁵

¹ Chambers J. Op. cit., p. 64-66; Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск. 1986.- С. 225; Козин С. А. Сокровенное сказание... – С. 179

² Кирпичников А. Н. К оценке военного дела средневековой Руси//Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989. С. 186; Киселев Г. В., Мерперт Н. Я. Указ. соч. – С. 199.

³ Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... – С. 147, 148; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск. 1987. – С. 169.

⁴ Ostrowski D. Muskovy and the Mongols... P. 51.

⁵ Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – М., 2004. – С. 202.

В некоторых сражениях у монголов совсем не было тяжелой конницы. Так, по свидетельству армянского историка Нерсеса Палиенца, в большой битве при Джебель-ас-Салихийе в Сирии сражалось 50-тысячное монгольское войско под предводительством самого владыки Ирана Газан-хана и при этом у монголов "кроме стрел, не было ничего другого". Египетский султан Насер рассчитывал без труда одолеть монголов в ближнем бою, когда они израсходуют свои стрелы. Однако "затемнилось солнце от них, а люди остались в тени от густоты стрел. Этими стрелами войско султана было разбито и обращено в бегство".¹ Отсутствие тяжелого вооружения тем более показательно, что битва происходила в 1300 году, в период, когда господствовавшие над Ираном монголы получали более чем достаточное количество оружия от иранских ремесленников.

Защитное вооружение монгольских воинов было подробно изучено М.В. Гореликом.² Лучники носили легкий стеганный панцирь из кожи, войлока или толстой ткани. Такой панцирь по-монгольски назывался "хатангу дегель" – "твердый халат". Тяжеловооруженные всадники были облачены в пластинчатые панцири; металлические пластины крепились на ремешках, поэтому панцири назывались "худесуту хуяг" – "пронизанный, прошитый (ремнями) панцирь". Другой вид панцирей ("бехтер") представлял из себя кольчугу, усиленную на груди и на спине металлическими пластинами, иногда вместо нескольких пластин для усиления кольчуги использовалось круглое железное "зеркало" (такой доспех на Руси называли "зерцалом").³ По утверждению специалистов, металлические доспехи монгольских воинов лишь незначительно отличались от доспехов киданей и китайцев; то же самое относится и к металлическим конским доспехам. Одна из разновидностей конского доспеха – "мягкий доспех" – была заимствована монголами на Ближнем Востоке, где такие доспехи стали популярны в конце XII века. Таким образом, в области тяжелого вооружения монголы не создали ничего принципиально нового. Победы монголов приписывались мастерству конных лучников, а в ближнем бою, как свидетельствует Юлиан, монголы были "менее искусны".⁴

"Монгольские полководцы стремились к решительному столкновению с противником, – пишет Ю.С. Худяков. – Вера в свою непобедимость была столь велика, что они вступали в бой с

¹ Армянские источники о монголах. – М., 1962. – С. 98-99.

² Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... ; Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV- начала XV в// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М. 1983.

³ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... – С. 248; Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... – С. 148.

⁴ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех... – С. 200; Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии// Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск. 1987. – С. 158-159; Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. 1871. № 3. отд. 2. – С. 53.

превосходящими силами противника, стараясь подавить его сопротивление массированной стрельбой. Однако в ближнем бою, если противник проявлял стойкость, их возможности были ограничены. Поэтому монголы старались разъединить силы врага, применяя различные уловки".¹ Таким образом, тактика монголов была, в основном, стрелковой – но эффективность стрельбы была столь велика, что Р.П. Храпачевский сравнивает ее с огневой мощностью регулярных армий нового времени. Р.П. Храпачевский и Ю.С. Худяков полагают, что лишь развитие огнестрельного оружия положило предел господству конных лучников.²

Как отмечалось выше, главным доказательством фундаментального характера военной инновации является ее перенимание другими народами. "Повсеместное распространение и заимствование монгольского оружия в кочевом мире в XIII-XIV веках наглядно свидетельствует о его большой эффективности", – отмечает Ю.С. Худяков. "Оружие всегда было более "международным", чем другие предметы материальной культуры, – писал А.Ф. Медведев. – Новые его виды, более совершенные и эффективные, появившиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствуются и распространяются, чем украшения или орудия труда. Отставание в военном деле... могло привести к потере независимости. Это и было причиной сравнительно быстрого распространения некоторых видов вооружения у соседних народов". Процесс распространения нового оружия археологически прослеживается как ареал находок луков и стрел монгольского типа – эти находки служат главными маркерами нового культурного круга. А.Ф. Медведев детально изучил ареал распространения наконечников стрел монгольского типа в Восточной Европе. Эти наконечники в больших количествах найдены в курганах кочевников в Поволжье, на Днепре, на Кубани, а также в развалинах осаждавшихся монголами русских и литовских городов. При этом важно, что наконечники монгольского типа, относящиеся к XIII-XIV векам, были найдены и там, где монголы не воевали – в Смоленске, Новгороде, Пскове.³

Однако находки наконечников стрел не всегда являются надежным свидетельством того, что в данном регионе было освоено изготовление луков соответствующего типа. Поскольку находки луков и их частей сравнительно редки, то вопрос о распространении монгольских луков более сложен. Известно, что к XVI веку на Руси умели делать рефлексированные луки, но когда именно было освоено их изготовление, остается неясным. Летописи свидетельствуют, что попытки перенимания монгольского вооружения начались уже вскоре после нашествия. Когда в 1248 году галицкий князь Даниил Романович прибыл на помощь венгерско-

¹ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири... - С. 136.

² Храпачевский Р. П. Военная держава... – С. 198; Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири... – С. 137.

³ Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел... – С. 51; Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел... – С. 51; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... – С. 75-76, 78.

му королю, то немецкие послы были удивлены татарским вооружением княжеской дружины. "Немцы же дивящиеся оружию татарскому беша бо кони в личинах и коярах кожаных и людье в ярыщех..." – говорит Ипатьевская летопись. Известно, что князь Даниил привлекал в основанный им город Холм ремесленников, бежавших из татарского плена, и среди этих ремесленников были мастера по изготовлению луков и кузнецы. Археологические данные свидетельствуют, что с середины XIII века в вооружении русских воинов традиционная кольчуга ("броня") постепенно уступает место пластинчатому "доспеху" монгольского типа; слово "броня" понемногу выходит из употребления.¹

Процесс перенимания монгольского оружия на Ближнем Востоке освещен источниками более подробно, чем на Руси. Рашид-ад-дин свидетельствует, что в Персии оружие для армии ильханов изготовлялось в организованных монголами больших государственных мастерских "кархана". В этих мастерских работали преимущественно местные ремесленники, обращенные во время завоевания в рабов; оружие делалось "по монгольскому обычаю" и при участии монгольских мастеров, причем перечисляя специальности ремесленников, персидский историк упоминает в порядке очередности лучников, изготовителей стрел, колчанов, сабель, а остальных зачисляет в разряд "прочих". К началу XIV века производство монгольского оружия было освоено свободными ремесленниками, работавшими вне кархана. "Прежде не было ремесленников, которые умели бы изготовлять оружие по монгольскому обычаю, а теперь большинство ремесленников на базарах научилось", – писал Рашид-ад-дин. Таким образом, в Персии образовался центр производства монгольского оружия, которое стало достоянием всего Ближнего Востока. Распространение монгольского оружия облегчалось тем, что большинство воинов армии ильханов составляли турки, и, вооружив эту армию, монголы сами снабдили тюрок (и арабов) новым оружием и научили обращению с ним. Турки были военным сословием во всех государствах Ближнего Востока, а также в Египте, в Средней Азии и в Индии; таким образом, принесенные монголами образцы оружия могли свободно распространяться в тюркской военной среде по всему обширному региону. Естественно, что, попав к туркам и арабам, монгольский лук описывался исследователями как "турецкий" или "арабский", но все это был один и тот же рефлексирующий лук, господствовавший как на Ближнем Востоке, так и на Руси. "Сравнение составных частей сложных русских луков с составными частями, подробно перечисленными в арабском трактате XV века, – отмечал А. Ф. Медведев, – как и памятники изобразительного искусства, свидетельствует, что и арабские, и русские, и турецкие луки средневековья изготовлялись по

¹ ПСРЛ. Т. 2. – М. 1962. Стб. 814; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... – С. 13; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. – М. 1988. – С. 515; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. – М. 1976. – С. 33; Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси// Советская археология. 1959. № 2. – С. 119-121.

совершенно аналогичному принципу, имели в своем составе сходные детали из сходных материалов и даже по внешнему виду и размерам были похожи друг на друга. Именно поэтому Флетчер и другие иностранцы, побывавшие в России в XVI веке, отмечали, что русские луки похожи на турецкие".¹

О заимствовании монгольского оружия говорит и перенимаемые соответствующей терминологии. Монгольские термины приходили в русский язык из тюркских языков, поэтому принятие русскими того или иного монгольского термина означало, что он принят на всем пространстве от Монголии до Руси, а также и там, где обитали тюрки, – то есть на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Прежде всего, перенималась терминология, связанная с луком. Славянское слово "тул" было вытеснено монгольским словом "колчан". Лук в комплекте с колчаном и налучьем стал называться "сагайдаком" или "саадаком", чехол для колчана – "тохтуем". Большие стрелы (характерные для монголов) назывались на Руси "джид", другая разновидность стрел – "томары". Перенималось и оборонительное оружие. Легкий стеганный доспех лучников на Руси назывался "тигиляй" (от монгольского "дегель"), тяжелый пластинчатый доспех – "куяк" ("хуяг"), усиленная кольчуга – "бехтерец" ("бехтер").²

В XIV-XVI производившие монгольское оружие персидские ремесленники славились по всему Востоку – а также и на Руси. Франческо Тьеполо писал, что во времена Ивана Грозного русская знать носила персидские доспехи из "тонких и хорошо закаленных металлических пластинок". Со временем первоначальные монгольские названия разных видов оружия заменялись персидскими или арабскими. Так, широко распространившиеся монгольские доспехи типа "зеркала" были известны на Руси, в Индии и других странах как "юшманы" (от персидского "джавшан", "зеркало"). Слова "кибить", "кайдалики" (стрелы), "пика", "кистень", "кинжал", "калантарь", "тарч" (кавалерийский щит) имеют персидские или арабское происхождение.³

Монгольские доспехи перенимались народами как оружие победителей – но в то же время необходимо отметить, что оборонительное оружие перенималось медленнее, чем лук и стрелы. Основная масса кочевников Восточной Европы осталась верна своему старому доспеху, кольчуге; в погребениях кипчаков коль-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. – М.-Л. 1946. – С. 301-302; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... – С. 13.

² Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение// Оружейный сборник. 1871. № 3. отд. 2. – С. 50, 53, 55; № 4. отд. 2, – С. 76-78.

³ Аннинский С. А. Франческо Тьеполо. Рассуждение о делах Московии 1560 г. // Исторический архив. 1940. т. III. – С. 341; Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение// Оружейный сборник. 1871. № 3. отд. 2. – С. 52, 57; № 4. отд. 2, – С. 76; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... – С. 196; Винклер П. Оружие. М. 1992. – С. 251; Кирпичников А. Н. Оружие времен Куликовской битвы// Вестник АН СССР. 1980. №8. – С. 99-100.

чуга встречается в десять раз чаще, чем пластинчатые доспехи монгольского типа.¹

Говоря о распространении монгольского оружия, необходимо упомянуть также и о порохе. Порох был китайским изобретением, ко времени монгольского завоевания метаемые баллистами пороховые гранаты "хо пао" широко использовались в армии Цзинь. Монголы быстро заимствовали эти гранаты и применяли их при осаде городов в Китае и на Ближнем Востоке. С этого времени порох становится широко известен; рецепт его изготовления приводится в книгах арабского писателя XIII века Гассана Альфамаха и византийца Максима Грека. На Руси слово "порох" впервые упоминается в конце XIII столетия в так называемом "Новгородском словаре". Неизвестно, применялись ли на Руси пороховые гранаты, но, во всяком случае, они использовались воинами Золотой Орды: в Поволжье известны находки таких гранат.²

Вслед за вооружением заимствовалась военная организация и тактика. Десятичная организация, жесткая военная иерархия и суровая дисциплина не были изобретением монголов. "Многое из того, что нередко приписывается исключительно гениальности Чингисхана, – отмечает Н.Н. Крадин, – на самом деле было лишь повторением... того, что уже случалось в истории Халха-Монголии на 1400 лет раньше".³ Деление войска на десятки, сотни, тысячи было заимствовано монголами у киданей и Цзинь, а затем было введено ими по всех завоеванных странах. В.В. Бартольд писал, что военное устройство тюрок XV века было "наследием империи Чинхисхана", в определенной степени это можно сказать и о Руси. Характерной чертой десятичной организации было наличие у каждого командира знамени и сигнального барабана; русские слова "хоругвь" и "тулумбас" (седельный барабан) имеют монгольское происхождение. Большой барабан, "набат" (арабск. "неубэт") считался принадлежностью воеводского звания. Как у монголов (и у тюрок), русское войско иногда называлось "кошун" и делилось на пять частей, по крайней мере две из которых именовались так же, как у кочевников ("правая рука" и "левая рука"). Сигизмунд Герберштейн, описывая тактику русских, отмечал, что "они удачнее сражаются в дальнем бою, чем в ближнем, а поэтому стараются обойти врага и напасть на него с тыла"; он упоминал о коротких стременах русских всадников, об их ловкости в стрельбе из лука и о том, что саблей они пользуются весьма редко. Ричард Ченслер также писал, что все русские всадники – это стрелки из лука, что их луки подобны турецким и что они избегают ближнего боя. Об этом же свидетельствует Дже-

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М. 1966. – С. 35.

² Арндт В. Где и когда был изобретен порох// Искры науки. 1928. № 12. – С. 453; Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). – М. 1980. – С. 161, 162, 178; Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. – М. 2000. – С. 76.

³ Крадин Н.Н. Империя хунну. – М., 2001. – С. 60.

ром Турбервиль: "Когда русского преследует жестокий враг, он ускачет прочь и, неожиданно повернувшись, поражает его из лука". Наиболее ярким примером заимствования русскими военной системы татар было принятие на службу царевича Касима с его ордой: в этом случае заимствовались не только оружие и тактика, но и само войско. Это татарское войско впоследствии сыграло большую роль в битве на реке Шелонь; в этом бою была использована тактика "мэнгэдэй", и, как отмечает Н.С. Борисов, "татарская выучка очень пригодилась москвичам": они одержали победу над десятикратно превосходящим по численности противником.¹

Стрелковая тактика и лук стали настолько важным элементом русского военного дела, что саадак был включен в число государственных регалий – то есть стал символом Московского царства. Венчаясь на царство, Михаил Федорович принимал не только Мономахову шапку и державу, но и саадачный набор.²

Следует отметить, что стрелковая тактика не получила распространения к западу от рубежей Руси. Литовцы высоко ценили русских стрелков из лука, переняли у них термин "саадак" и после присоединения Белоруссии включали их в свои войска – но, по-видимому, так и не завели собственных подразделений лучников. Военная техника Запада пошла по пути, рекомендованном в свое время Плано Карпини: чтобы противостоять лучникам, рыцари одели двойную броню и стали использовать конский доспех. Западная граница Руси превратилась в линию противостояния двух культурных кругов, каждый из этих кругов имел свой тип оружия. А.В. Чернецов отмечает, что это противостояние очень ясно осознавалось на бытовом уровне и проявлялось, в частности, в том, что на русских миниатюрах XV–XVI веков воины-татары (и другие кочевники) и русские были практически неотличимы, они имели одинаковое вооружение. Напротив, немецкие, польские, литовские воины изображались иначе, в других шлемах и в других доспехах. В противостоянии Востока и Запада Русь выступала на стороне Востока; к примеру, в сказании о битве при Ворксле Витовт рисуется не как союзник Руси в борьбе с

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. – М. 1968. – С. 179; Малик-зода А. Монгольский военно-исторический словарь –

http://xlegio.enjoy.ru/pubs/mongol_voco/mongol_voco.htm; Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. 1871. № 4. отд. 2. – С. 81; Герберштейн С. Записки о Московии. – М. 1988. – С. 113-114; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь-Москва. 1997. – С. 370-371; Мэн-да бэй лу... – С. 77; Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI в... – С. 278; Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском// Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2003. – С. 446, 447; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.IV. – М. 1964; Турбервиль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века// Горсей Дж. Записки о России. XVI–начало XVII в. М. 1990. – С. 256; Борисов Н. С. Иван III. М. 2000. – С. 240.

² Беляков А. Всеоружие по царски – Интеррос, 2002. № 5. Режим доступа: <http://www.interros.ru/magazine/05-2002/Rev/Arsenal>

Ордой, но как злейший враг, а победа мусульман над христианами объясняется не "попущением", а прямой помощью (христианского!) Бога.¹

(окончание следует)

¹ ПСРЛ. Т. 35. – М. 1980. – С. 139; Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. – М. 1989; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. – М. 1959. – С. 355; Чернецов А. В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа// Русь в XIII веке. Древности темного времени. – М. 2003. – С. 16.